

ДОКТОР ЛЕНГ
СКОРО ПРИМЕТ ВАС...

Тусклые лучи утреннего солнца, пробиваясь сквозь завесу пыли и угольного дыма, падали на пересечение Бродвея и Седьмой авеню. Грунтовая дорога была покрыта выбоинами от бесчисленных конских копыт, фургонов и тележек. Ее утоптали настолько, что она не уступала по твердости цементу, за исключением грязных участков вокруг желобов канатного трамвая и утопавших в навозе коновязей.

Перекресток носил название Лонгакр. Это был центр «экипажной торговли», отдаленный район быстро росшего города, с конюшнями и каретными мастерскими.

В это особенно холодное утро на Лонгакре и расходившихся от него улицах было тихо, если не считать случайных прохожих или проезжавших повозок. Никто не обратил внимания, когда молодая женщина с короткими темными волосами и в пурпурном платье необычного покроя и материала вышла из переулка и оглянулась, прищурившись и наморщив нос.

Констанс Грин остановилась, давая время осесть на начальному приливу ощущений, стараясь не выдать тех эмоций, что грозили захлестнуть ее. Образы, звуки и запахи внезапно пробудили в ней тысячи воспоминаний детства, таких далеких, что она сама едва ли подозревала, что сохранила их. В первую очередь и особенно чувствительно поразил ее запах города: сложное сочетание земли, пота, конского навоза, угольного дыма, мочи,

кожи, жареного мяса и аммиачный привкус щелока. А потом и другие вещи, которые когда-то казались ей обыденными, а теперь выглядели странно: телеграфные столбы, непременно покосившиеся, газовые фонари на каждом углу, бесчисленные экипажи, припаркованные на тротуарах и возле них, и повсеместная убогость. Все говорило о том, что город растет очень быстро и сам же за собой не поспевает. Достаточно было увидеть эти наспех нарисованные вывески, дома из кирпича и известняка, слепленные на скорую руку, скопившуюся грязь, которую никто словно бы не замечал, чтобы сразу понять, что так оно и есть. Но страннее всего было не слышать шума современного Манхэттена: рева машин, сигналов такси, гудения компрессоров, турбин и кондиционеров, подземного рокота метро. Здесь же было сравнительно тихо: стук копыт, крики, смех, редкие щелчки кнута и долетавшее из соседнего салуна дребезжание расстроенного пианино. Она так привыкла к тому, что бульвары Манхэттена кажутся отвесными стальными каньонами, что теперь у нее в голове не укладывалась эта картина, где самыми высокими зданиями, куда ни взгляни, были залитые солнцем трех- или четырехэтажные дома.

Прошло несколько минут. Констанс глубоко вздохнула и повернула к югу.

Она прошла мимо невзрачного ресторана, где предлагались на выбор гуляш из бычьих хвостов, телячья отбивная в горшочке или свиные ножки за пять центов. Рядом стоял мальчишка с большой охапкой газет, пронзительным голосом выкрикивая заголовки новостей. Он с надеждой протянул ей газету, но она покачала головой и прошла мимо, но лишь после того, как прочитала дату: «Вторник¹, 27 ноября 1880 года».

¹ Так у авторов. На самом деле 27 ноября 1880 года была суббота (в предыдущей книге серии, «Путь крови», Престон и Чайлд указали верный день недели).

Ноябрь 1880 года. Ее девятнадцатилетняя¹ сестра Мэри в это время надрывалась до полусмерти в рабочем доме Файв-Пойнтс. А двенадцатилетний брат Джозеф отбывал срок на острове Блэквелла².

А некий доктор совсем недавно приступил к своим ужасным, смертельным экспериментам.

Сердце Констанс забилося быстрее от мысли, что они еще живы. Возможно, она все же успеет.

Опустив руку в карман блузы, она нащупала старинный стилет, успокаивающе тяжелый, а заодно восемьсот пятьдесят долларов в купюрах и монетах того времени. Затем быстрым шагом двинулась в сторону Геральдсквер, к лучшей части города.

Пройдя с десятков кварталов к югу, Констанс нашла портного, помимо пошива на заказ торговавшего еще и *prêt-à-porter*³. Через час она вышла из ателье в сопровождении приказчика, который нес шляпную коробку и два больших пакета. Вместо пурпурного наряда на Констанс было элегантно платье с турнюрором и оборками из сиренево-синего шелка, а также тугой итонский жакет⁴. Бодро шагая по тротуару, она теперь привлекала к себе скорее восхищенные, чем удивленные взгляды. Она остановилась, поджидая, когда приказчик поймает кеб.

Извозчик слез с сиденья, но Констанс сама открыла дверцу и, наступив на подножку высоким ботинком на пуговицах, ловко запрыгнула в кабину.

¹ В «Пути крови» Мэри в ноябре 1880 года восемнадцать лет.

² *Остров Блэквелла* (ныне остров Рузвельта) — узкая полоска земли в проливе Ист-Ривер между Манхэттеном и Лонг-Айлендом. В описываемое время там размещались тюрьма и лечебница для душевнобольных.

³ Готовая одежда (*фр.*).

⁴ *Итонский жакет* — черный пиджак длиной до талии с широкими лацканами, повторяющий покрой формы студентов Итонского колледжа.

Удивленно приподняв брови, извозчик забрался обратно, а приказчик тем временем сложил в кабину пакеты и шляпную коробку.

— Куда едем, мэм? — спросил извозчик, натягивая поводья.

— Отель на Пятой авеню, — ответила Констанс и протянула ему долларовую купюру.

— Да, мэм, — ответил извозчик, убрал деньги в карман и без лишних слов стегнул лошадь.

А мгновение спустя экипаж уже затерялся в приливах и отливах полуденного уличного движения.

Проехав еще с дюжину кварталов, кеб остановился возле портика отеля — роскошного шестиэтажного здания из мрамора и кирпича, которое занимало целый квартал на Пятой авеню, напротив Мэдисон-сквер.

— Тпру, Шельма! — крикнул извозчик.

Констанс приоткрыла окошко в задней части крыши.

— Вы не могли бы меня подождать? — спросила она.

Извозчик посмотрел на нее со своего пружинного сиденья, нависавшего сзади над пассажирским отделением.

— Непременно, мэм.

Он опустил рычаг двери, и Констанс вышла. К ней тут же бросились два швейцара и подхватили пакеты и шляпную коробку. Не дожидаясь их, Констанс быстро прошла мимо коринфских колонн в вестибюль, выложенный красным и белым мрамором.

За парикмахерской, телеграфной конторой и рестораном помещался большой регистрационный стол из резного дерева, отполированного до блеска. Один из стоявших за столом мужчин приблизился к ней.

— Вы ищете женскую гостиную, мадам? — почти тельно спросил он. — Она этажом выше.

Констанс покачала головой.

— Я хотела бы снять номер.

Портье удивленно поднял брови:

— Для вас и вашего супруга?

— Я путешествую одна.

Он благоразумно опустил брови:

— Понятно. Боюсь, мадам, что все стандартные номера заняты...

— В таком случае дайте люкс, — сказала Констанс.

В центральном холле отеля, просторном, с высоким сводчатым потолком, не стихали разговоры постояльцев и топот шагов по выложенному ромбами мраморному полу, и Констанс с трудом разбирала ответы мужчины.

— Хорошо, мадам.

Портье обернулся к ряду встроенных в стену ниш, протянул руку к одной из них, взял тяжелую книгу в кожаном переплете и раскрыл ее.

— Есть два свободных люкса на четвертом этаже и еще несколько на втором, если вы не намерены пользоваться вертикальной рельсовой дорогой.

— Чем-чем?

— Вертикальной рельсовой дорогой. Она проходит через все этажи отеля.

Констанс сообразила, что он говорит о лифте.

— Прекрасно. Думаю, второй этаж мне подойдет.

— Вы не хотите взглянуть...

— Просто дайте свой лучший номер, если вас не затруднит.

Внутри Констанс все кричало: «Двадцать седьмое ноября!» Теперь, когда она узнала, что еще может спасти сестру, каждая потраченная на такие пустяки минута казалась ей вечностью.

Опытный служащий отеля, разумеется, заметил ее нетерпение. Он перевернул тяжелый лист конторской книги и обмакнул перо в чернильницу.

— Очень хорошо, мадам. У нас есть чудесный угловой номер с гостиной, спальней, гардеробной и ванной комнатой. — Он обмакнул перо. — Стоимость номера — шесть долларов за ночь или тридцать за неделю. Как долго вы собираетесь гостить у нас?

— Неделю.

— А служанки?

— Простите?

— Ваши служанки. Сколько их путешествует с вами?

— Нисколько. Две.

— Две. Очень хорошо. Мы разместим их в комнатах для прислуги. С питанием, конечно же?

Констанс нервно кивнула.

— Могу я узнать ваше имя?

— Мэри Ульцискор¹, — ответила она после кратчайшей паузы.

Портье записал имя в книгу.

— Итого тридцать пять долларов пятьдесят центов.

Констанс передала ему четыре десятидолларовые банкноты. Потом обернулась и увидела позади своего скромного багажа терпеливо ждавших швейцаров.

— Вы не могли бы доставить вещи в мой номер? — спросила она, получив сдачу. — Я вернусь позже... вместе с моими... э-э... служанками.

— Конечно.

Констанс дала каждому носильщику по четвертаку, а портье — целый доллар; глаза его округлились от удивления, но он благодарно принял деньги. Она прошла через лобби к выходу, остановившись на мгновение у книжной стойки, чтобы взять путеводитель по Манхэттену.

¹ Ulciscor — мщц, караю (*лат.*).

Кеб ожидал ее возле портика среди уличного шума и пыли. Она пригляделась к извозчику. Лет тридцати пяти, он был скорее мускулистым, чем плотным. Констанс отметила его чистый плащ и хорошие манеры, но квадратная челюсть и сломанная переносица подсказывали, что он знал, как постоять за себя.

Она подошла к сиденью извозчика.

— Хотите заработать еще немного?

— Всегда готов, мэм.

У него был легкий ирландский акцент. Графство Корк, предположила Констанс. Еще одна деталь, которая может оказаться полезной.

— Мне нужно съездить в старый город.

— Как далеко, мэм?

Она открыла только что приобретенный путеводитель, нашла нужный перекресток и показала ему.

— Боже правый, мэм! Должно быть, тут какая-то ошибка.

— Никакой ошибки. Я хочу забрать оттуда одну девушку и привезти сюда.

— Неподходящее место для леди, мэм, — заметил извозчик с недоуменным и встревоженным видом.

— Поэтому мне и нужен человек, знающий, как с этим справиться. Человек, у которого... — она порылась в памяти, подыскивая гэльские слова, — *liathróidí stuach*¹.

Мужчина ошеломленно разинул рот, но ничего не сказал. Тогда она открыла сумочку, даже не пытаясь спрятать лежавший там стилет, достала две пятидолларовые купюры и протянула ему.

— Еще десять долларов вы получите, когда привезете нас обратно живыми и невредимыми.

¹ Стальные яйца (*ирл.*).

Извозчик присвистнул.

— Так вы, значит, не боитесь вида крови?

— Разве что после завтрака.

Он рассмеялся и взял деньги.

— Ну что ж, я... Садитесь. Вилли Мёрфи в жизни ни от чего не убежал. — Он подмигнул ей не без игривости. — Даже отправляясь в мир иной, я бы не отказался иметь в кармане десятку, госпожа.

Швейцар помог Констанс забраться в кабину.

— Если вы и вправду туда отправляетесь, я составлю вам компанию, — ответила она извозчику.

Тот снова рассмеялся и недоверчиво покачал головой. Затем потянул рычаг, закрывавший дверь, поднял кнут, щелкнул им в воздухе над головой Шельмы, и лошадь порысила вперед.

Констанс сидела в кабине экипажа, ехавшего по Бродвею. Потертое кожаное сиденье скрипело на каждой колдобине, жесткие пружины впивались в тело.

С момента ее появления прошло приблизительно два с половиной часа. Значит, была середина дня. Вот и хорошо: там, куда они направлялись, днем безопаснее, чем вечером.

Констанс благополучно перебралась в это место и это время. Через полчаса, а может, и раньше она встретится с Мэри и вырвет сестру из этого жалкого существования, спасет от непосильной работы и неизбежной гибели. При мысли о смерти сердце застучало сильнее. Констанс еще не успела переварить все, что случилось за последние сутки; стоит только поддаться этим воспоминаниям, как они захлестнут ее. Нужно сосредоточиться на одном — спасении сестры.

Экипаж проехал по Четырнадцатой улице, снова повернул на юго-восток, и Констанс прикрыла глаза. Длительные упражнения научили ее освобождаться от ненужных мыслей и приглушать звуки и ощущения. Когда она снова открыла глаза, кеб уже пересекал Ист-Хьюстон-стрит, за которой Четвертая авеню превращалась в улицу Бауэри. Констанс приложила два пальца к запястью и посчитала пульс: шестьдесят четыре.

Терпимо.

Она вернулась в окружающий мир. Пейзаж разительно отличался от фешенебельных окрестностей отеля «Пятая авеню». Здесь преобладали не кебы, а телеги с разбитыми колесами, нагруженные прикрытыми промасленной тканью товарами. Пешеходы, что толпами бродили по тротуарам и прямо по улице, носили жилеты и пиджаки из грубой материи. Женщины попадались редко. А мужчины, даже самые неопрятные, непременно были в шляпах или кепи. Широкие плиты Пятой авеню сменились грубой булыжной мостовой.

Кеб притормозил, и через мгновение послышался стук в крышу кабины. Констанс открыла окошко.

— Да?

Над окошком показалась голова извозчика Мёрфи, натянувшего на уши клапаны кепи.

— Прошу прощения, госпожа, но я бы не стал забирать ее прямо из Файв-Пойнтс.

— Конечно нет. Остановитесь на минутку.

Она сверилась с картой города.

— Я думаю, надо повернуть на запад и ехать по Канал-стрит, а затем на юг по Сентр.

— А потом... налево по Уорт?

— Правильно. Сможете это сделать?

— Я остановлюсь на углу.

— Очень хорошо. И еще одно, мистер Мёрфи.

— Да, мэм?

— Если будут неприятности, не нужно возвращать нас в отель. Довезите до Юнион-сквер. Не хотелось бы втягивать вас в то, что может... навредить вам. Мне просто нужно увезти свою подругу из этого места.

— Прошу прощения, мэм, но если ее забрали в рабочий дом, на это должна быть причина.

— Она просто имела несчастье выйти из дома в темное время суток и угодить под полицейскую облаву на уличных женщин.

— Вряд ли ее отпустят за здорово живешь.

Постепенно становясь соучастником преступления, извозчик все больше превращался в бывшего или, по крайней мере, уверенного в себе человека.

— Я уговорю их тем же способом, что и вас. Пожалуйста, постучите дважды, когда приедем.

И Констанс закрыла люк.

Кеб тронулся с места. Констанс понимала, что ее голос должен звучать уверенно. Но внутри она не чувствовала ничего, кроме холода. С каждым ударом копыт она погружалась в давние воспоминания. За окном были грязь и нищета, и Констанс окружили давно забытые запахи — пирожков с мясом, бараньих ног и устриц на пару, вонючей типографской краски, приготовленной для завтрашних афиш, едкого угольного дыма. А еще звуки: крики уличных торговцев «Покупайте! Чего изволите?» и стишки, сопровождающие игру в классики или прыжки через скакалку детей, которые пребывают в блаженном неведении относительно своей бедности:

Джонни дал мне персик
И сказал мне: «Жуй!» —
А еще шесть пенсов
Дал за поцелуй.

А когда кеб свернул с Сентр-стрит на Уорт, произошло еще одна перемена к худшему. Констанс будто раздвинула покрывало Исиды и ступила в сверхъестественный мир, простирившийся за ним. Воздух загустел от масляного дыма нелегальных кожевенных фабрик, пропитавшего все вокруг. Пение детей и крики торговцев стихли. С неба опустился преждевременный сумрак, и уши Констанс начали различать другое: плач отчаяния и боли, ворчанье и ругань, визг и хохот уличных женщин; отвратительный звук, с каким кусок кирпича ударяет в тело. Все они тоже явились из воспоминаний, но других, тех, которые она так долго подавляла.

Экипаж повернул за угол и, покачнувшись, остановился. В крышу дважды постучали, окошко приоткрылось.

— Я только надену шоры Шельме, мэм, — сказал Мёрфи сдавленным голосом.

Констанс приготовилась, опустив руку в карман, где лежали деньги и стилет. Через мгновение заскрежетал запор, дверь отворилась, и Мёрфи протянул руку, чтобы помочь ей. В другой руке он сжимал дубинку с металлическими шипами, наполовину вытащив ее из кармана плаща.

— Не бойтесь, мэм, — сказал Мёрфи. — Это просто моя колотушка.

Он напрасно пытался изображать беззаботность: его глаза пребывали в непрерывном движении. Констанс отметила, что он готов в любой момент отразить угрозу. Вне всякого сомнения, сейчас извозчик жалел, что не остался на окраине города. Но очевидно было и то, что он не собирался бросать женщину, которую сам привез в это место.

С этой мыслью Констанс сделала шаг вперед, потом другой, подняла голову и вдруг замерла, невольно охнув.

З

Они дошли до угла. Впереди, в конце квартала, виднелся сложный перекресток грязных улиц. Четыре из пяти были плотно застроены старыми домами из крошащегося кирпича; верхние этажи угрожающе склонялись к тротуарам. Пятая переходила в небольшую площадь, не примечательную ничем, кроме водозаборной колонки. Ее окружала лужа, в которую сваливали различный мусор и отбросы. Там и сям виднелись приземистые, полуразрушенные деревянные постройки минувшего столетия. Повсюду свободно бродили что-то поклевывавшие курицы и рывшие землю свиньи. Все окна были разбиты, кое-где их затянули воценой бумагой или заколотили досками, прочие же оставались открыты всем ветрам. Над почерневшими стенами лавок не было видно никаких вывесок. Те заведения, что еще сводили концы с концами, давно превратились в винные лавки, таверны и притоны. Из дверей выглядывали пьяные мужчины, отхаркивавшие мокроту и желтые нити жевательного табака. Попадались и женщины. Одни лежали на земле, напившись до бесчувствия, другие подзывали клиентов, задирая юбки или обнажая грудь, чтобы показать товар лицом. Мальчишки пускали в канаве бумажный кораблик, сложенный из старой газеты.

Это был Файв-Пойнтс — худший перекресток посреди худшей трущобы Нью-Йорка. Для Констанс эта картина была вдвойне болезненной, знакомой не понаслышке.

Почти полтора века назад она сама, будучи маленькой девочкой, голодной, замерзшей, одетой в лохмотья, бежала по этим улицам и видела то же самое.

— Мэм, — сказал извозчик, слегка подтолкнув ее локтем, — лучше бы нам заняться делом. — Он повернулся к мальчишкам, вытащил из кармана серебряный доллар, подбросил в воздух и положил обратно в карман под их жадными взглядами. — Вы получите это, если моя лошадь и экипаж будут на месте, когда мы вернемся.

Констанс с трудом остановила новый водоворот воспоминаний, которые всколыхнула эта жестокая картина. Ради Мэри она должна быть сильной, и только потом, в безопасном месте, можно будет разобраться со своими эмоциями.

Мёрфи повел ее вперед. Констанс шла за ним, не обращая внимания на грязь и помои, что выплескивались на тротуар, глядя строго перед собой, отгородившись от окликов и похотливого свиста, а также проклятий других женщин, считавших, что она, в дорогом платье, с чистой кожей, составляет им нечестную конкуренцию. Она не решалась заглянуть в узкие извилистые переулки, которые отходили от улицы, со слоем грязи по колено, с бельевыми веревками, закрывавшими небо, с мужчинами в котелках, охранявшими вход в подпольные притоны. Эти переулки источали собственные мерзостные запахи, защититься от которых было куда труднее, — запахи гноящихся ран, тухлого мяса и нечистот.

Констанс споткнулась о булыжник, но Мёрфи подхватил ее под локоть. Они прошли полквартала. Слева выросло старинное здание работного дома с измазанными копотью, потрескавшимися стенами и зарешеченными окнами.